

ТЕНДЕНЦИИ В РАСШИРЕНИИ ПРОКУРОРСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Савчук Татьяна Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры конституционного и административного права Академии
управления при Президенте Республики Беларусь
tamerlan75@mail.ru

Аннотация. В статье на основе научных представлений и обзора уголовно-процессуальных норм рассматриваются вопросы, связанные с последовательным усилением полномочий прокурора в досудебном уголовном производстве; акцентируется внимание на последних новеллах уголовно-процессуального закона в расширении диапазона таких полномочий. Выявляются проблемные аспекты нормативной регламентации и реализации отдельных прокурорских полномочий, в связи с чем автором формулируются выводы и предложения по дальнейшему законодательному совершенствованию полномочий прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, требование, представление, санкция прокурора, досудебное производство.

Введение. В последнее время роль прокурора в досудебном производстве находится в центре дискуссий представителей белорусской науки и практиков в связи с неоднократным изменением отношения законодателя к объему и характеру полномочий прокурора на данном этапе уголовного процесса. Различные аспекты реализации прокурором полномочий в досудебном уголовном производстве и проблемности правовых норм в части недостаточности таких полномочий освещались в работах И. В. Данько, А. В. Конюка, А. М. Сербuna, А. С. Сенько, В. М. Соркина, В. Н. Мелешко, В. К. Мойсака, Л. Ф. Лазутиной, Р. В. Бурака и А. В. Солтановича и др. При этом отдельные авторы высказывались за лишение прокурора «неограниченных возможностей» [1] в досудебном производстве, совмещавших в себе функции контроля и управления [2, с. 288]. Напомним, что диапазон прокурорских полномочий с момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в 1999 г. носил широкий властно-распорядительный характер в одинаковом объеме по отношению к органам дознания и предварительного следствия, что позволяло определять прокурора «хозяином процесса» [3, с. 202]. Ситуация изменилась в связи с принятием специального Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З, перераспределившего отдельные полномочия прокурора в пользу начальника следственного подразделения, что нашло поддержку среди ученых [4, с. 269] и практиков [5]. Впоследствии (с 2014 по 2021 г.) законодатель предпринимал шаги по усилению полномочий прокурора за деятельность органов предварительного следствия. В 2023 г. Концепция правовой политики Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г., в ред. от 14 марта 2024 г. № 96) задала вектор

на совершенствование прокурорского надзора в уголовном процессе (п. 43.1), что в 2025 г. воплотилось в Законе Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». Названным Законом корректируются уголовно-процессуальные нормы, определяющие полномочия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Данный правовой импульс обуславливает научный и практический интерес к изучению полномочий прокурора с позиции их обновленного нормативного закрепления и практического использования. Это особенно актуально, поскольку эффективность осуществления прокурорского надзора в значительной степени зависит от объема и содержания процессуальных полномочий прокурора, позволяющих своевременно выявлять и устранять любые нарушения закона [6, с. 171–172].

Основная часть. Усиление полномочий прокурора за предварительным следствием датируется 2014 г., знаковым событием которого стало введение в УПК новой меры прокурорского реагирования – требования на нарушения законности в ходе дознания и предварительного следствия (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК), которое ошибочно трактовалось практиками как аналог письменных указаний прокурора [7; 8]. В 2021 г. цитируемая норма УПК была конкретизирована за счет расширения действия диапазона требования и на нарушения, допущенные органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлении, и установлением правила обязательности рассмотрения требования прокурора в течение месяца с момента его поступления или в иной срок, установленный прокурором. Ю. С. Климович верно указывает на то, что можно было избежать такого «укрупнения» п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК путем замены в общей норме – в ч. 5 ст. 34 УПК «ошибочного выражения при производстве предварительного следствия и дознания на словосочетание в ходе досудебного производства» [9, с. 131].

Примечательно, что предпосылки таких новелл 2021 г. были вызваны потребностью прокурорско-надзорной практики: не имея легальной возможности устранять нарушения закона на этапе «доследственной» проверки, прокуроры вносили представления либо выносили постановления о возбуждении дисциплинарного производства. В обоснование принятия таких актов ими использовался Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), что не являлось законным, поскольку прокурор вправе использовать только те полномочия, которые ему прямо предоставлены законом: в сфере уголовного процесса таким законом является УПК. Поэтому нельзя согласиться с позицией А. С. Сенько, предлагавшим закрепить в ст. 34 УПК норму о том, что «прокуроры в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания обладают также правами, предоставленными им и иными нормативными правовыми актами» [10, с. 250].

Целесообразность включения требования прокурора в ст. 34 УПК и его эффективность подтверждает практика: в 2023 г. прокуроры вынесли 2 060 требований (в том числе 559 в подразделения Следственного комитета Республики Беларусь); в 2022 г. – 1 869 (в следственные подразделения – 584) [11, с. 36–37];

в 2021 г. – 1 707 (в следственные подразделения – 614 [12, с. 33–34]; в 2020 г. – 1 745 (в следственные подразделения – 621) [13, с. 33–34]. Однако изучение нами содержания требований прокурора показывает различные подходы в установлении срока его исполнения, чему косвенно способствует п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК, устанавливающий срок в один месяц или иной срок, определяемый прокурором. Так, например, в одном случае требование вынесено 10.11.2016, а срок для рассмотрения и уведомления прокурора о принятых мерах обозначен 23.12.2016, в другом случае требование датировано 13.07.2016, а конечной датой его исполнения определено 29.08.2016 [14, с. 398–401]. Вместе с тем, учитывая характер нарушений, причиной которых является вынесение прокурором требования, считаем, что срок рассмотрения и исполнения требования прокурора должен быть максимально коротким и может варьироваться в диапазоне до 10 суток, что следует отразить в п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК. Данное предложение обусловлено тем, что такие нарушения допускаются, как правило, по находящимся в производстве уголовным делам, что обуславливает оперативность в их устраниении.

Также обратим внимание на пробел п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК в части не установления обязательного исполнения требований прокурора, что ошибочно расценивается как усмотрение начальника следственного подразделения выполнить или отклонить такое требование [5, с. 202]. Основываясь на тезисе, согласно которому «требование прокурора – обязательное для исполнения властно-волевое веление (указание) прокурора, вытекающее из его полномочий, направленное на обеспечение исполнения закона...» [15, с. 65], приходим к выводу о необходимости дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению его требования.

В 2021 г. арсенал мер прокурорского реагирования пополнился представлением об устраниении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, им способствующих (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК). Несмотря на отсутствие интереса к данной новелле в белорусской юриспруденции, полагаем, что представление восполнило дефицит прокурорских полномочий для устраниния системных неединичных нарушений законности в деятельности органа уголовного преследования, стало инструментом для постановки вопроса о привлечении к ответственности лиц, допустивших такие нарушения.

В данном контексте отметим, что первый опыт по внесению прокурорами представлений иногда носил ошибочный характер, а выборочное изучение нами практики вынесения требований (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК) и представлений (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК) показало нередкое использование этих мер как замещающих, а иногда – дублирующих друг друга, что позволяет отдельным ученым именовать их «дефективными» мерами [16, с. 70]. Между тем названные акты имеют свои особенности и различия. Так, требование направлено на незамедлительное устранение нарушений уголовно-процессуального закона, носящих *единичный* характер; оно носит конкретный характер, позволяющий оперативно устраниить нарушения закона по определенному материалу, уголовному делу. А представление имеет цель – устранение нарушений *системного* характера, а также причин и условий, им способствующих, и привлечение виновных лиц к «строгой»

ответственности [14, с. 436, 457]. Иными словами, представление имеет обобщающий характер: в нем анализируются схожие по сути нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные по различным уголовным делам и даже по разным регионам республики, что не присуще требованию прокурора. В отличие от требования, представление выполняет профилактическую функцию, что подтверждает сформулированная в резолютивной части представления рекомендация по принятию мер к недопущению нарушений «впредь» [14, с. 430], а также включает обязательный элемент – постановку вопроса о необходимости привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности. Требование, по нашему мнению, как акт прокурорского реагирования не преследует такой дополнительной цели, как привлечение виновных к ответственности, хотя на практике прокуроры ставят такой вопрос и нередко результатом является привлечение следователей к материальной (дисциплинарной) ответственности [14, с. 367].

Представление доказало свое «право на жизнь», о чем свидетельствует практика: в 2023 г. прокурорами в адрес органов предварительного расследования внесено 692 представления, в 2022 г. – 723 [11]; в 2021 г. – 643 [12]. Однако в первые месяцы использования представлений в отдельных регионах республики наблюдался неверный подход: в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, как правило, прокуроры ссылались не на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре, на что нами указывалось ранее [17]. Единообразный и правильный подход к обоснованию вынесения представления сформировался после указаний заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 28 апреля 2022 г. № 2-11/188 «О практике прокурорского реагирования на нарушения законодательства в ходе досудебного производства». В то же время для повышения эффективности представления считаем целесообразным пересмотреть п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, предусмотрев в нем безотлагательность рассмотрения представления с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по его исполнению, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором.

Еще одной новацией 2021 г. стало дополнение ст. 34 УПК новой ч. 5¹, в соответствии с которой Генеральный прокурор Республики Беларусь и его заместители, прокуроры областей, г. Минска (лица, исполняющие их обязанности), при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования наделены правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий.

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ч. 5¹ ст. 34 УПК конкретизирована: перечисленные должностные лица вправе давать такие указания следователю не только при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования, но и, что важно, о производстве следственных и других процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя. Иными словами, законодатель

вернул прокурору утраченные в 2011 г. полномочия, позволяющие направлять ход следствия, своевременно исправлять ошибки в квалификации преступления и объеме обвинения, что подтверждает тезис об эффективности письменных указаний прокурора [18; 19, с. 197]. Данное нововведение поставило точку в споре между прокурором и органами предварительного следствия в разной оценке наличия (отсутствия) состава преступления и (или) доказанности участия лица в его совершении, ведь такой спор на практике нередко приводил к тому, что прокуроры были вынуждены принимать уголовные дела к своему производству (т. е. фактические выполнять работу следователя). Однако, к сожалению, в законе не нашло поддержку разделяемое нами мнение представителей надзорного ведомства о распространении ч. 5¹ ст. 34 УПК и на прокуроров районов (городов), поскольку последние вынуждены инициировать перед вышестоящим прокурором вопрос о даче таких указаний [20, с. 221].

Вышеупомянутый Закон вводит в УПК иные нормы, усиливающие прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам. Так, значимыми новеллами являются нормы, уточняющие полномочия прокурора, которые корреспондируют к обязанностям органа уголовного преследования: п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК обрел новую редакцию, в которой указывается на обязанность представлять для проверки уголовные дела, материалы в течение 72 часов с момента поступления прокурорского запроса; а ст. 173³ УПК дополнена новой ч. 1¹ об обязанности направления прокурору заявления (сообщения) о преступлении и материалов проверки по нему (при приостановлении проверки) в течение 10 суток после принятия соответствующего решения. Установление таких сроков, на наш взгляд, будет способствовать исполнительской дисциплине органа уголовного преследования и повысит эффективность и оперативность прокурорского надзора.

Также Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» обновлена редакция ч. 4 ст. 190 УПК, наделившая Генерального прокурора Республики Беларусь (его заместителей) исключительным правом продления срока предварительного следствия свыше шести месяцев вне зависимости от того, в производстве какого органа уголовного преследования находится уголовное дело, изъяв такое продление из компетенции Председателя Следственного комитета Республики Беларусь и Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, их заместителей. В данном контексте уместно отметить, что Генеральной прокуратурой Республики Беларусь неоднократно указывалось на ухудшение оперативности расследования уголовных дел и на несоблюдение установленных УПК сроков расследования, что подтверждает практика. Так, в 2023 г. с нарушением срока расследования окончено производством следователями Следственного комитета Республики Беларусь 17,8 % и следователями органов государственной безопасности 69,5 % уголовных дел от их общего количества; в 2022 г. – 17,4 % и 72,1 % [11, с. 40]; в 2021 г. – 18 % и 76,9 % [12, с. 37]; в 2020 г. – 15,8 % и 76,9 % [13, с. 37]. Таким образом, данное нововведение призвано исправить сложившуюся негативную ситуацию с ведомственным процессуальным контролем, повысить качество и оперативность расследования уголовных дел, будет

способствовать своевременному принятию мер прокурорского реагирования на нарушения закона, препятствующие быстрому расследованию преступлений.

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» уточняется понятие «санкция прокурора» (п. 38 ст. 6 УПК): вместо письменного решения стало «разрешение» (что является более корректным и соответствует этимологии слова «санкция» как «утверждение, разрешение чего-либо»); обобщающее понятие «прокурор» заменено на «Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров областей, г. Минска, прокуроров районов, районов в городах, городов, межрайонных и приравненных к ним транспортных прокуроров, их заместителей» (чем конкретизируется должностной перечень прокуроров, уполномоченных на дачу санкций). Кроме того, данным Законом в УПК вводится новая ст. 34¹, определяющая порядок дачи санкций, ее оформление «в виде резолюции на постановлении (ином документе) органа уголовного преследования о проведении процессуальных действий, скрепляемой печатью соответствующего органа прокуратуры», содержащая правило об указании мотивов при отказе в даче санкций (такое определение санкции было ранее предусмотрено в ч. 2 ст. 36 Закона о прокуратуре).

В то же время, на наш взгляд, цитируемая норма имеет уязвимость: в ней говорится о резолюции прокурора на «иной документ», выносимый органом уголовного преследования. Однако анализ статей УПК, регламентирующих проведение следственных и процессуальных действий с санкцией прокурора, позволяет вести речь только о постановлении, в котором формулируется решение органа уголовного преследования на проведение таких действий. И даже такое действие, как «требование о представлении информации и выемка документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну» (п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК), по смыслу ч. 1 ст. 210 УПК предусматривает обязательное вынесение постановления. Таким образом, использование словосочетания «иной документ» в ст. 34¹ УПК не соответствует положениям закона, предусматривающим единственно возможную процессуальную форму оформления решения о проведении процессуальных действий – постановление.

Заключение. Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что корректировки УПК за последние десять лет демонстрируют последовательные и закономерные шаги законодателя по усилению прокурорских полномочий в досудебном производстве по уголовным делам. Такая ситуация подтверждает тезис, что «при всем многообразии ответственных прокурорских обязанностей главной остается состояние надзора в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания» [21, с. 4]. Нами отстаивается позиция о том, что прокурор должен обладать одинаковым объемом полномочий за органами дознания и следствия, поскольку защита публичного интереса по обеспечению законности в досудебных стадиях не должна ставиться в зависимость от формы расследования и субъектов его производства.

В целях повышения эффективности деятельности прокурора в ходе досудебного уголовного производства и устранения нормативных пробелов видится целесообразным внести следующие корректировки в УПК: во-первых,

дополнить п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства в срок до 10 суток; во-вторых, пересмотреть п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, предусмотрев в нем безотлагательность рассмотрения представления с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по его исполнению, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором; в-третьих, расширить перечень должностных лиц органов прокуратуры, изложенный в ч. 5¹ ст. 34 УПК, включив в него прокуроров районов, городов; в-четвертых, исключить из ст. 34¹ УПК словосочетание «иной документ» в связи с тем, что УПК определяет единое правило оформления решения о проведении процессуальных действий – постановление, которое в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях санкционируется прокурором.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Статус следователя в уголовном процессе / В. Н. Бибило // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – Вып. 17. – С. 1–9.
2. Рубис, А. С. Использование специальных знаний в прокурорском надзоре – путь повышения его эффективности / А. С. Рубис // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 287–296.
3. Мелешко, В. Н. Участие прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса / В. Н. Мелешко // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 14–15 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. факультет ; редкол. : С. А. Балащенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 201–204.
4. Бурак, Р. В. Полномочия прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Р. В. Бурак, А. В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 6. – С. 268–273.
5. Сосновский, А. А. О расширении прокурорских полномочий в досудебном уголовном производстве / А. А. Сосновский // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (пред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 202–204.
6. Васько, Н. О. Прокурорский надзор за предварительным следствием: история развития и пути совершенствования процессуального статуса прокурора / Н. О. Васько // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, г. Минск, 14 июня 2022 г. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 171–174.
7. Мойсак, В. К. Требование прокурора в уголовном процессе: головоломка для право-применителей / В. К. Мойсак // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 12–17.
8. Шарангович, Д. И. Надзор за исполнением законодательства на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы / Д. И. Шарангович // Законность и правопорядок. – 2021. – № 1. – С. 12–13.
9. Климович, Ю. С. О реформировании уголовно-процессуального законодательства / Ю. С. Климович // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл.

Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (пред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 130–133.

10. Сенько, А. С. Проблемы прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел / А. С. Сенько // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 246–253.

11. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь–декабрь 2023 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 107 с.

12. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь–декабрь 2022 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 108 с.

13. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь–декабрь 2021 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 108 с.

14. Надзор за исполнением законодательства на стадии досудебного производства : сб. норматив. актов и документов / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. : Г. И. Дыско [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Белорус. Дом печати, 2017. – 515 с.

15. Онсов, Ю. В. Юридическая практика удовлетворения требований прокурора / Ю. В. Онсов // Электрон. прилож. к «Рос. юрид. журналу». – 2019. – № 3. – С. 64–68. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

16. Винокуров, А. Ю. Представление прокурора в уголовном процессе / А. Ю. Винокуров // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 69–70.

17. Савчук, Т. А. Представление в арсенале правовых средств прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам / Т. А. Савчук // III Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 15 дек. 2022 г. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Р. М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2023. – С. 315–319.

18. Куница, Е. Возвращение прокурором уголовных дел для производства дополнительно предварительного расследования / Е. Куница // Законность и правопорядок. – 2014. – № 2. – С. 34–38.

19. Соркин, В. М. О полномочиях прокурора и начальника следственного подразделения в уголовном судопроизводстве в связи с созданием Следственного комитета / В. С. Соркин // Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Полоцк, 18–19 мая 2012 г. : в 2-х т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол. : А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – Т. II. – С. 201–203.

20. Сербун, А. М. Указания прокурора как способ обеспечения законности в досудебном уголовном производстве / А. М. Сербун // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – С. 219–222. – URL: alis.pac.by/alis/StartEk/index.php. (дата обращения: 12.01.2025).

21. Василевич, Г. А. Роль прокуратуры в становлении правового государства / Г. А. Василевич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 3. – С. 3–10.

Рецензент: Рыбак С. В.,

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 07.03.2025.

TRENDS IN THE EXPANSION OF PROSECUTORIAL POWERS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Tatsiana A. Savchuk

Annotation. In the article on the basis of scientific ideas and review of criminal procedural norms the issues related to the consistent strengthening of prosecutor's powers in pre-trial criminal proceedings are considered; attention is focused on the latest novelties of the criminal procedural law in expanding the range of such powers. Problematic aspects of the normative regulation and implementation of certain prosecutorial powers are identified, in connection with which the author formulates conclusions and proposals for further legislative improvement of the powers of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings.

Keywords: prosecutor, prosecutor's powers, demand, submission, prosecutor's authorization, pre-trial proceedings.